

ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО КАК ЧАСТИ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ В. В. БАБАЙЦЕВОЙ¹

Reinterpretation of the Numerals as a Part of Speech in the Aspect
of V. V. Babajtseva's Theory of Transitivity

Инь Сюй

yinxuxu@pku.edu.cn

Пекинский университет (Пекин, КНР)

Yin Xu

yinxuxu@pku.edu.cn

Peking University (Beijing, China)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 29.04.2024

Fecha de evaluación: 26.11.2024

Cuadernos de Rusística Española n° 20 (2024), 113 - 127

РЕЗЮМЕ

В статье предлагается вариант интерпретации имени числительного как части речи, в частности, актуальный для практики преподавания РКИ. В исследовании используется шкала переходности, разработанная В. В. Бабайцевой в результате наблюдения над переходными явлениями в современном русском языке. Числительные рассматриваются в статье, с одной стороны, с точки зрения различных лингвистических учений, что даёт уникальную возможность проследить эволюцию понятия «числительное» в истории русского языкознания, с другой стороны, через призму ядерно-периферийной структуры, что позволяет чётко увидеть их семантическую общность и грамматическую неоднородность. Анализ показал, что образование числительных как самостоятельной части речи отличается от других явлений исторического перехода с точки зрения теории переходности тем, что слова разных частей речи не переходят непосредственно в существующую в системе категорию, которая задаёт модель для преобразования, а сначала формируют своего рода ядро с общим грамматическим критерием, объединяющее в дальнейшем развитии новые члены и оказывающее на них сильное влияние. Вместе с тем данный процесс сопровождается колебаниями в принципах частеречной классификации, что обуславливает изменения в составе числительных. Особое внимание обращается на конкретные переходные явления в рамках разряда определённо-количественных числительных: объединение простых счётных слов и последующее формирование ядра данной части речи; лексикализация составных счётных слов и утрата ими категории числа; закрепление меньшего количества падежных форм в парадигме; преобразование синтаксической связи с существительными.

Ключевые слова: теория переходности, имя числительное, части речи, история русского языка, история лингвистических учений, ядерно-периферийная структура

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного фонда социальных наук КНР (проект № 21СYY048).

ABSTRACT

This article proposes a variant of interpretation of the numerals as a part of speech, relevant for the practice of teaching RFL. The study uses the transitivity scale developed by V. V. Babajitseva as a result of her observation of transitional phenomena in the modern Russian language. Numerals are considered not only from the point of view of various linguistic doctrines, which gives a unique opportunity to trace the evolution of the concept of 'numeral' in the history of Russian linguistics, but also through the prism of the nuclear-peripheral structure, which allows us to see their semantic commonality and grammatical heterogeneity. The analysis has shown that the formation of numerals differs from other phenomena of historical transition within the framework of the theory of transitivity: words of different classes do not pass directly into the category existing in the system, which sets the model for transformation, but first form a kind of nucleus with a common grammatical criterion, which unites new members in further development and exerts a strong influence. Meanwhile, this process is accompanied by fluctuations in the principles of classification, which causes changes in the composition of numerals. Particular attention is paid to specific transitional phenomena within the category of definite-quantitative numerals: unification of simple counting words and subsequent formation of the nucleus of this part of speech; lexicalization of compound counting words and their loss of the category of number; consolidation of a smaller number of case forms in the paradigm; transformation of syntactic connection with nouns.

Keywords: theory of transitivity, numerals, parts of speech, history of Russian language, history of linguistic studies, nuclear-peripheral structure

ВВЕДЕНИЕ

В практике преподавания русского языка как иностранного изучение имени числительного — части речи, обладающей уникальной комбинацией морфологических и синтаксических особенностей, — часто представляет особую трудность. Подобная сложность явно ощущается в аудитории тех учащихся, в родном языке которых отсутствует богатая словоизменительная система. С точки зрения диахронии, которая не всегда признается эффективной в преподавании РКИ, причиной неоднородности грамматических признаков числительного может быть переход существительных и прилагательных в образованную позднее новую группу слов, получившую статус самостоятельной части речи только после того, как грамматическая модель классических языков была применена в описании современных европейских языков (Anward 2005: 630). В русском языке данный переход осложняется также процессом грамматического приспособления и унификации. Г. А. Хабургаев (1990: 259) справедливо отмечает, что в соответствии с современными критериями оснований для выделения числительных в самостоятельную часть речи в период древнейших восточнославянских памятников не обнаруживается.

Историю славянских числительных О. Ф. Жолобов (2006: 10) связывает с особенностями их морфосинтаксической динамики. Для иностранных учащихся знания по истории языка всегда должны служить источником понимания современной языковой системы. По этой причине актуальной оказывается шкала переходности, которая была предложена В. В. Бабайцевой — автором теории переходности. Под переходностью² учёный понимает «такое свойство языка, которое скрепляет языковые

2. Подробнее об истории изучения переходности см. в статье «Из истории изучения переходности в современном русском языке» (У Мэй 2009).

факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований» (Бабайцева 2000: 15). Графически шкала диахронной переходности передаётся следующим образом: $A \rightarrow AB \rightarrow \overline{AB} \rightarrow aB \rightarrow B$, где крайние точки обозначают типичные явления с полным набором дифференциальных признаков, а звенья AB , \overline{AB} и aB — переходные ступени, характеризующиеся синкретизмом свойств (Бабайцева 2000: 16).

НЕТИПИЧНОСТЬ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ

В своей классификации частей речи В. В. Бабайцева (2000: 322) относит числительные к сфере синкретичных частей речи II степени, совмещающих в себе специфические дифференциальные признаки основных частей речи (в случае числительных — признаки существительных и прилагательных). На уровне синхронии трактовка этого гибридного явления не должна подвергаться никакому сомнению, однако с точки зрения диахронии переход слов других частей речи в числительные не всегда оказывается типичным по сравнению с другими переходными явлениями в теории В. В. Бабайцевой.

В классической модели шкалы переходности конечной точкой является существующая в системе часть речи, задающая набор морфологических и синтаксических признаков, которые обуславливают возможность и мотивацию перехода. Ср. крайние точки шкалы в синхронии и диахронии:

(1А — причастие) Только не чуяла я ничего — из-за шума машин, звонков трамваев и змеиного ветра, **шипящего** в ветвях за окном. [Дина Рубина. Окна (2011)]³

(1Б — прилагательное) ... Егор ... вытащил из кармана газовый баллончик и пустил внутрь салона длинную, долгую, **шипящую** струю. [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)]

(2А — причастие) вни же не **могоучи** стати протвоу силѣ его. и бѣжаша во свои тверди. [Киевская летопись, из Ипатьевского списка первой четверти XV в.]

(2Б — прилагательное) ... по тёплому полю прокатываются их **могучие** тени. [Ю. И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016]

В случае 1А — 1Б представлен типичный результат синхронной переходности: «шипящего» (1А) представляет собой причастие действительного залога настоящего времени, образованное от глагола «шипеть», оно расположено после определяемого существительного «ветра», находится в отношениях слабого управления с конструкцией

3. В качестве примеров в работе используются материалы Национального корпуса русского языка (<https://ruscorp.ru/>).

«в ветвях за окном», обособлено запятой; «шипящую» (1Б) теряет способность к проявлению категорий вида и времени, находится в свойственной прилагательному синтаксической позиции, составляет с предыдущими прилагательными «длинную» и «долгую» цепь однородных определений и вполне может считаться прилагательным. Оппозиция 2А → 2Б служит иллюстрацией типичного диахронного перехода: древнерусская краткая форма причастия действительного залога настоящего времени «могучи» (2А) выполняет в предложении функцию второстепенного сказуемого, в то время как в современном языке слово с древнерусским причастным суффиксом *-ач-* «могучей» (2Б) уже окончательно перешло в класс прилагательных.

Синхронная и диахронная переходность числительных не совсем повторяет вышеизложенную модель. С одной стороны, числительные, будучи ограниченными своей базовой семантикой счёта и количества, составляют относительно замкнутую часть речи, ядро которой может пополняться только за счёт возникновения новых математических реалий, гибридные слова с количественным значением, такие как «стадо», «куча» и т. п., располагаются только на периферии этой части речи и не могут полностью превратиться в числительные, в связи с чем здесь фиксируется довольно слабая связь между синхронным и диахронным планами перехода других частей речи в числительные. С другой стороны, для числительных исторические преобразования были связаны с процессом формирования новой самостоятельной части речи, так что конечной точкой шкалы диахронной переходности не могла быть уже существующая в языке часть речи, такой точкой могло быть лишь новое образование, представляющее собой, скорее всего, комбинацию существующих в языке грамматических признаков.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Вместе с тем стоит отметить, что нетипичность числительных с точки зрения теории переходности заключается ещё и в эволюции их интерпретации в истории развития грамматической мысли: состав данной части речи может существенно меняться в зависимости от применяемого подхода к классификации частей речи. Так, до появления первых грамматик церковнославянского языка, в грамматических трактатах использовали только восьмичленную систему частей речи, не включающую числительные, см. например, «О восьми частях слова»: *има, рѣчь, причастіе, различіе, мѣсто имени, предлогъ, нарѣчіе, союзъ* (цит. по Ягич 1885–1895: 335); «Донатус»: *има, проимение, слово или рѣчь, предлоꙗ слову, причастіе, сооꙗ, преѣставление, различіе* (цит. по Ягич 1885–1895: 822). В отдельных грамматических руководствах может фиксироваться использование разных форм «единъ» и «многъ» как грамматических показателей в расширенном микроконтексте, что свидетельствует об осознании в то время их отличительной семантической специфики, ср. например, «Буковница 1592 г.»: (Тв. п. ед. ч. м. р.) желателемь **едінем**, (И. п. мн. ч. ж. р.) трудолюбица **мнѡгы** (цит. по Кузьминова & Инь Сью 2022: 194, 206).

В конце XVI — начале XVII вв. вышли в свет первые грамматические пособия по церковнославянскому языку на восточнославянской почве: «Грамматика

словенская» Лаврентия Зизания и «Граматики Славенския правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого, подробно описывающие орфографические, морфологические, просодические и синтаксические особенности литературного языка того времени. В этих руководствах чётко прослеживается традиция использования восьмичленной частеречной классификации, наследованная от системы описания классических языков, однако числительные уже выделяются как подгруппа имени. У Зизания после изложения основных десяти моделей словоизменительной парадигмы имени выделяется группа «ино скланяемых» слов, названных грамматиком «числительные имена», которая включает в себя основные определённо-количественные числительные в современном понимании этого термина (Зизаний 1596: л. 41 об.–42). Смотрицкий пошёл дальше предшественников, выделив в самостоятельной части речи имён особые группы прилагательных — «числительных» и «чинительных», соответствующих современным определённо-количественным и порядковым числительным; автор грамматики также видит разницу между числительным и качественным прилагательным в том, что последние не способны образовывать формы сравнительной степени (Смотрицкий 1619: л. 21–22 об.).

В XVIII в. числительные ещё не выделялись в качестве самостоятельной части речи, тем не менее их интерпретация постепенно уточнялась. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1757: 101–102), продолжающей традицию грамматики Смотрицкого, имена числительные рассматриваются как самостоятельная подгруппа одной из восьми частей речи, которая делится по словообразовательному признаку на «первообразныя» и «производныя», в то же время учёный также указывает на сходство словоизменения числительных с существительными и прилагательными. Стоит отметить, что в кодифицированной М. В. Ломоносовым грамматической норме слова «сорокъ», «девяносто» и «сто» всё ещё причисляются к второму именному склонению, а не характеризуются словоизменительной моделью из двух падежных форм (сорокъ, сорока, сороку, сорокъ, сорокомъ, сорокъ // сорок, сорока, сорока, сорок, сорока, сорока), что говорит о незавершённом переходе этих слов в числительные в современном понимании этого слова. В «Российской грамматике» А. А. Барсов (1981: 502–507) в своей классификации, помимо «основательных» и «порядочных/ порядковых» числительных, упоминает также «раздѣлительныя» (сугубый, трегубый, двоякій, тройкій ...), «умножительныя» (двукратный, сугубый, троекратный ...), «соразмѣрныя» (сугубый, двойной, четверичный...), «соединительныя» (= совр. собирательные числительные) и «половинныя» (= слова с частью *пол-*). Включение в список первых трёх групп, имеющих явное адъективное происхождение, по всей вероятности, обусловлено тем, что А. А. Барсов относил числительные к прилагательным, при этом сам он также указывает на пересечения между ними (ср. «сугубый») и редкость их употребления.

В XIX в. понятие числительных получило дальнейшее развитие. В «Русской грамматике» А. Х. Востоков (1831: 52–53, 70–72) описывает числительные как один из трёх основных разрядов прилагательных параллельно с качественными и протяжательными (= совр. относительными) и делит числительные на «количественныя», охватывающие современные определённо-количественные, дробные и собирательные числительные, и «порядочныя», включающие, помимо производных от названий чисел порядковых числительных, ещё и слова «другой»

и «последний». В то же время Н. И. Греч (1827: 106–107) также не признает числительные в качестве самостоятельной части речи, но относит их не только к прилагательным, но и к существительным. Такое решение приводит учёного к включению в числительные таких существительных с количественным значением, как «пара», «половина» и др. У Н. И. Греча различаются всего 4 разряда имени числительного: «количественное», «порядочное», «дробное» и «собирательное» (Греч 1827: 105).

Во второй половине XIX в. числительные стали занимать самостоятельное место в частеречной классификации. Так, Ф. И. Буслаев в своей монографии «Опыт исторической грамматики русского языка» определяет числительные как одну из девяти самостоятельных частей речи, однако он относит числительные к служебным частям речи (Буслаев 1858: 44), разделяя точку зрения И. И. Давыдова (1854: 61), что позже подвергает критике А. А. Потебня, который указывает на то, что у Ф. И. Буслаева смешиваются отвлечённость и формальность, а числительное «имеет свое специальное содержание и отношение к грамматической категории существительного, прилагательного, наречия, рода, падежа, числа и пр.» (Потебня 1874: 35). Вслед за своим учителем Д. И. Овсяннико-Куликовский (1902: 32) выделяет числительные в качестве самостоятельной знаменательной части речи и предлагает классификацию числительных, разработанную с учётом предшествующих достижений.

В XX в. начинается углублённое обсуждение состава числительных, однако также встречается точка зрения, согласно которой их самостоятельность в системе частей речи отрицается, а сами числительные именуются счётными существительными, счётными прилагательными и счётными наречиями (Пешковский 2001: 153). Большинство учёных рассматривает числительные как самостоятельную часть речи, но граница между числительными и остальными частями речи не всегда оказывается однозначной. Продолжается поиск баланса между семантическим и грамматическим подходами: если в классификации на первое место выходит семантика, то диапазон числительных может увеличиваться, господство морфологосинтаксического принципа приводит к его сужению.

А. А. Шахматов называет числительные незнаменательной частью речи, означающей числовые отношения и занимающей в его классификации промежуточную зону между знаменательными и служебными частями речи (Шахматов 2001: 420–423), и в то же время он значительно расширяет состав числительных, добавляя к ним слова с количественным значением (в большинстве случаев это слова, производные от собственно числительных). Помимо традиционных количественных, собирательных, порядковых и дробных числительных, автор «Синтаксиса русского языка» вводит ещё два разряда числительных: совокупительные (пара, сотня, пяток и т. д.) и наречные (дважды, трижды, вдвоём и т. д.) (Шахматов 2001: 501). Л. В. Щерба (1957: 72–74) видит отличительные черты «количественных слов» в их синтаксической сочетаемости (т. е. в именительном и винительном падежах — управление, в остальных падежах — согласование), что позволяет ему выделить порядковые прилагательные и поставить чёткую границу между числительными и существительными с количественным значением. В. В. Виноградов (2001: 241, 257, 260) разделяет точку зрения Л. В. Щербы и указывает, что наряду с обозначениями чисел к категории имён числительных также относятся собирательно-разделительные

числительные (двое, трое и т. д.) и неопределенно-количественные числительные (сколько, несколько, много и т. д.).

ЯДЕРНО-ПЕРИФЕРИЙНАЯ СТРУКТУРА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КАК ЧАСТИ РЕЧИ

Изложенные выше точки зрения позволяют говорить о сильных колебаниях в интерпретации числительных как части речи в истории развития лингвистических учений. Все достижения предшественников были отражены в трёх академических грамматиках русского языка советского времени, в которых прослеживается переход от семантического к морфолого-синтаксическому подходу к определению состава этой части речи.

В «Грамматике русского языка» (1960: 366) имена числительные делятся на количественные и порядковые, первые из которых могут быть поделены на определённо-количественные (один, два, пять, десять...), неопределённо-количественные (несколько, столько, много...), собирательные (двое, трое, оба...) и дробные (четыре пятых, семь сотых...). Ставится чёткая грань между количественными числительными и существительными, выражающими количество (семёрка, сотня...), что объясняется отсутствием грамматических категорий рода и числа у количественных числительных от «трёх» до «девятисот». Вместе с тем внимание также обращается на морфологическую неоднородность включённых в данную категорию слов, таких как «один», «два», «тысяча» и т. п.

Если в этой редакции академической грамматики фиксируется семантическая ориентация частеречной классификации и состав числительных не противоречит обычному математическому мышлению отсутствием каких-либо членов, то в последующих академических грамматиках явно прослеживается тенденция перехода к морфолого-синтаксическому подходу. Так, в «Грамматике современного русского литературного языка», изданной в 1970 году, порядковые числительные и слово «один» были отнесены к числу прилагательных (ГСРЛЯ 1970: 307–308), в результате чего была унифицирована синтаксическая связь числительных с существительными внутри части речи. Далее в «Русской грамматике» 1980 года морфолого-синтаксический принцип классификации подвергается дальнейшему усилению, а из состава числительных исключаются такие слова, как «тысяча», «миллион», «миллиард», «нуль», близкие по грамматическим признакам к существительным (РГ 1980: 573). Следовательно, стандартизируется морфологическая особенность части речи имён числительных — отсутствие категории числа. Кроме того, не упомянутые в грамматике 1970 года дробные числительные считаются в этом издании словосочетаниями, состоящими из слов разных частей речи. Таким образом, смена принципа классификации в академических грамматиках приводит к существенному сокращению состава числительных, что наглядно представлено в таблице 1:

Таблица 1
Состав числительных в трёх академических грамматиках

Числительные		ГРЯ 1960	ГСРЛЯ 1970	РГ 1980
определённо-количественные	один	√	×	×
	тысяча, миллион...	√	√	×
	др.	√	√	√
неопределённо-количественные		√	√	√
порядковые		√	×	×
собираательные		√	√	√
дробные		√	не указано	×

Стоит отметить, что для иностранных учащихся более адекватным представлением числительных как части речи в практике преподавания, очевидно, служила бы система, предложенная в «Грамматике русского языка» (1960) и охватывающая все необходимые элементы для выражения количественного значения. В рамках этой системы учащимся легко установить семантическое соответствие со своими родными языками внутри одной части речи. В связи с этим предлагается ядерно-периферийная структура описания числительных (см. таблицу 2), что позволяет, с одной стороны, без противоречия с математическим мышлением представить соответствующий материал, а с другой стороны, увидеть морфолого-синтаксическую неоднородность всех членов данной части речи и связи между ними.

Таблица 2
Ядерно-периферийная структура описания числительных

Структура		Ядро	Полуядро		Периферия		
			кол.	неопред.-кол.	собир.	поряд.	«один»
семант.	кол. знач.	√	√	√	√	√	√
	счёт. знач.	√	×	×	×	√	√
морф.	число	×	×	×	√	√	√
	род	×**	×	×**	√	√	√
	падеж	√	√	√	√	√	√
синтак.	И. В. управление	√	√	√	×	×	√
	Р. Д. Тв. Пр. согласование	√	√	√	√	√	×
	число сказуем. при согл. с сочет. числ. с сущ.	ед./мн.	ед./мн.	ед./мн.	согласование с определяемым словом		согл. с кол. сущ.

* кол. сущ. обозначают слова «тысяча», «миллион», «миллиард», «триллион», «нуль/ноль»

** «два/две» и «оба/обе» обладают грамматической категорией рода

*** в таблице не учитываются составные числительные

Из таблицы можно увидеть, что все определённо-количественные, неопределённо-количественные, собирательные и порядковые числительные, выделенные в «Грамматике русского языка» (1960), могут быть объединены в данной полевой структуре благодаря общей семантике количественности. Ядерная и полужадерная части соответствуют понятию числительного в «Русской грамматике» (1980) и противопоставляются периферии выделенными морфологическими и синтаксическими признаками. Полуядерная часть отличается от ядерной дополнительной семантикой неопределённости и собирательности. Таким образом, становится ясной наша задача — объяснить учащимся, как формируются выделенные общие грамматические характеристики для имени числительного как целостной части речи.

Переинтерпретация истории числительных в аспекте теории переходности

Предлагаемая нами переинтерпретация сосредоточивается прежде всего на ядерной части числительных, т. е. простых и сложных определённо-количественных числительных в системе «Русской грамматике» (1980). Базовая морфолого-синтаксическая общность современных числительных формируется именно в рамках древних простых счётных слов «дѣва» — «десять».

Древние слова «дѣва» — «четыре» употребляются как прилагательные и всегда выступают в согласовании с определяемым словом по числу, роду и падежу, однако в связи с семантическими ограничениями у этих слов на самом деле не имеется числовой оппозиции, т. е. «дѣва» обладает только формой двойственного числа в сочетании с существительными двойственного числа, а «трие» и «четыре» — формой множественного числа.

В истории языка переход этих слов в современные числительные обусловливается в первую очередь утратой категории двойственного числа, что полностью разрушило прежний механизм функционирования слова «дѣва». С точки зрения морфологии, исходные окончания двойственного числа косвенных падежей слова «дѣва» стали заменяться флексиями множественного числа и во взаимодействии со словами «трие» и «четыре» и остальными прилагательными подверглись ряду фонетических изменений (см. Иванов 1983: 323), а также приобрели сходные с ними формы. На уровне синтаксиса формы именительного и винительного падежей существительных двойственного числа в сочетании со словом «дѣва» стали интерпретироваться как формы единственного числа родительного падежа, которыми управляет слово «дѣва», а другие формы косвенных падежей существительных сохранили отношения согласования, только вместо формы двойственного числа стали употребляться формы множественного числа. Таким образом были подготовлены морфологические и синтаксические условия для будущего перехода в числительные слова «дѣва», которое тем временем оказало своё влияние и на близкие единицы «трие» и «четыре», что привело к формированию единства трёх слов с общими морфолого-синтаксическими признаками. Однако стоит отметить, что подобный переход, в частности от «трие столи» к «три стола», продолжался долгое время, новый способ употребления получил распространение во второй половине XVI в. и окончательно закрепился только в XVII веке (см. Жолобов 2006: 226, Ломтев 1956: 450–451).

Слова «пять» — «десять» восходят к существительным и изменяются по родам, числам и падежам. Слова «пять» — «девять» меняются по типу склонения на *-ĭ и обычно употребляются в форме единственного числа. Слово «десять» меняется по типу склонения на согл., а поскольку образование составных счётных слов частотно, могут фиксироваться его формы двойственного и множественного числа. В поздней истории стабилизация и унификация счётной системы и лексикализация прежних составных счётных слов ограничила возможность образования числовых форм на основе слов «пять» — «десять», что привело к утрате категории числа этими словами и позволило вместе со словами «дѣва» — «четыре» составить общую морфологическую особенность «отсутствие категории числа» для образования новой части речи.

Другим важным морфологическим признаком этих слов служит словоизменительная парадигма с меньшим количеством падежных форм. Исконно слова типа склонения на *-ĭ «пять» — «девять» имеют только три падежные формы: И.=В. пять // Р.=Д.=М. (Пр.) пяти // Тв. патию. Преобразование словоизменительной системы из шести типов склонения в три привело к тому, что слово «десять», как и остальные слова типа склонения на согл. женского рода (мати, дѣчи), приобрело окончания типа склонения на *-ĭ, т. е. оно стало меняться как слова «пять» — «девять». Данная морфологическая особенность также оказала огромное влияние на дальнейшую историю формирования числительных как части речи.

С точки зрения синтаксиса эти слова употребляются как существительные и в сочетании с существительными всегда требуют родительного падежа, могут сочетаться с определяющим прилагательным. Последующая история развития связана с изменением синтаксических функций этих слов и может быть отобразена на шкале диахронной переходности таким образом:

А: а **пять** вѣмѣтасѧ въ пропасти. [История Иудейской войны Иосифа Флавия (XI–XIII вв.)]

Аб: въ **другую** **шесть** **лѣтъ** вѣнуотрь црѣкве (цит. по Жолобов 2006: 117)

АБ: оу боана възми **шесть** **коунъ** **намноую** (цит. по Жолобов 2006: 117)

аБ: кромѣ татарска языка в том царстве **пять** **различных** **языков** [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564—1583)]

Б: **Пять** **звероподобных** **людей** подходили ко мне... [Виталий Губарев. Трое на острове (1950-1960)]; ...в палате **с** **пятью** **полуживыми** **женщинами**... [Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009]

В звене **А** слово «пять» употребляется как типичное существительное; в звене **Аб** появляется сочетание с другим существительным, причём наличие определяющего прилагательного указывает, что слово «шесть» ещё не оторвалось от имён существительных; в звене **АБ** слово «шесть» опять выступает в сочетании с другим существительным, но постпозитивное прилагательное может подчёркивать целостность в языковом сознании сочетания «шесть коунъ»; в звене **аБ** слово «пять» лишается возможности сочетания с определяющим прилагательным, но при этом сохраняется дифференциальный признак существительного: «пять» управляет последующими словами, при этом прилагательное относится к «языков»,

зависимому от слова «пять»; в звене **Б** слово «пять» уже полностью перешло в числительные, фиксируется смысловое согласование со сказуемым, наличие в этом звене второго примера свидетельствует о том, что по модели слов «дѣва» — «четыре» трансформирована синтаксическая связь этих слов в косвенных падежах. Таким образом, вполне можно считать, что в начале формирования новой части речи — имени числительного — ядерной частью и основной движущей силой являются именно счётные слова «дѣва» — «десять», которые впоследствии и задали модель для всех остальных слов, обозначающих определённое количество. Подобное влияние сводится к трём аспектам.

1. Лексикализация и утрата категории числа

В исконной системе большое место занимали составные счётные слова, такие как «дѣва на десате», «дѣва десяти», «пять сътъ» и т. д., каждая часть в этих словосочетаниях функционировала в качестве отдельного существительного или прилагательного. В дальнейшем составные слова, обозначающие 11–19, 20, 30...90, 200, 300...900, подверглись лексикализации, что привело к последующей утрате числительными грамматической категории числа. Подобное явление может объясняться двумя способами: с одной стороны, образованные новые числительные, обозначающие 11–19, 20, 30 с видоизменением конечной части на *-дцать* приобрели все грамматические особенности слов «пять» — «десять», в частности утратили категорию числа; с другой стороны, лексикализация составных слов, обозначающих десятки и сотни, полностью ликвидировала потенциал образования от «десять» и «съто» отдельных форм неединственного числа, их остатки в современном языке можно увидеть только в составе подобных сложных числительных, например, «пятьдесят», «двести», «триста», «пятьсот».

2. Парадигма с меньшим количеством падежных форм

После лексикализации все новые числительные на *-ь* приобрели парадигму с тремя падежными формами: И.=В. *-ь* // Р.=Д.=М.(Пр.) *-и* // Тв. *-ью*, что повлияло и на слова «сорокъ», «деваносьто» и «съто».

Эти слова исконно принадлежали к типу склонения на **-ǫ* и в процессе адаптации к числительным приобрели бинарную словоизменительную парадигму, ср.:

Таблица 3
Приобретение бинарной словоизменительной парадигмы слов «сорокъ», «деваносьто» и «съто»

И.	сорокъ		сорок	деваносьто		девяносто
Р.	сорока		сорока	деваносьта		девяноста
Д.	сороку (≠Р.)	→	сорока (=Р.)	деваносьту (≠Р.)	→	девяноста (=Р.)
В.	сорокъ		сорок	деваносьто		девяносто
Тв.	сорокъмь (≠Р.)	→	сорока (=Р.)	деваносьтъмь (≠Р.)	→	девяноста (=Р.)
М.	сороцѣ (≠Р.)	→	сорока (=Р.)	деваносьтъѣ (≠Р.)	→	девяноста (=Р.)

И.	съто		сто
Р.	съта		ста
Д.	съту ($\neq P.$)	→	ста (=P.)
В.	съто		сто
Тв.	сътъмь ($\neq P.$)	→	ста (=P.)
М.	сътъ ($\neq P.$)	→	ста (=P.)

3. Преобразование синтаксической связи с существительными

До лексикализации в составных счётных словах «два на десате» — «четыре на десате» изменяется только первая часть, согласующаяся с определяемым существительным, остальные счётные слова требуют существительного в форме родительного падежа, например:

сице же пребысть **двъ на десате лѣтъ** [Нестор. Житие Феодосия (1080-е)]
 за **шесть десатъ версть** около города [Договор Новгорода с князем Александром Михайловичем (1327)]
 съ **треми сты талантъ** [История Иудейской войны Иосифа Флавия (XI—XIII вв.)]

После лексикализации их стали употреблять как преобразованные слова «два» — «десять»: при сочетании с существительным в именительном и винительном падежах они управляют определяемым словом, в остальных падежах — согласуются с ним, например:

Накануне переезда Варя позвонила **двенадцати мужчинам**. [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)]

...все в лодку; а где же в одну поместиться **шестидесяти человекам**? [Д. Н. Мамин-Сибиряк. На реке Чусовой (1912)]

В легионе 5–6 тысяч пехоты и не менее **трехсот всадников**. [Борис Хазанов. Плюскамперфект и другие времена // «Волга», 2008]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги. Все приведённые нами факты могут чётко характеризовать нетипичность числительных в системе теории переходности В. В. Бабайцевой: с одной стороны, диахронное развитие числительных постоянно сопровождалось эволюцией понятия «числительное» в истории лингвистических учений, с другой стороны, конечной точкой в шкале исторической переходности стала новая комбинация существующих в языковой системе грамматических признаков.

Вместе с тем проведённое исследование исторической переходности определённо-количественных числительных явно показало, какие слова стали источником этих базовых признаков, как эта комбинация признаков оказала влияние на другие единицы будущей самостоятельной части речи. Взаимодействие единиц ядерной части числительных в диахронии представлено в таблице 4:

Таблица 4
Взаимодействие числительных в истории русского языка

Структура Параметры		Ядро											
		Периф.	1	2	3-4	5-9	10	40, 90	100	11-19	20-80	200-900	1000...
морф.	Числ. опп. отсут.	×	√	√	←	←	←	←	←	←	←	←	×
	2-3 пад. формы	×	×	×	√	←	←	←	←	←	←	←	×
син-так.	И. В. управл.	×	→	→	√	√	√	√	←	←	←	←	√
	Р. Д. Тв. Пр. согл.	√	√	√	←	←	←	←	←	←	←	←	×
кол. И счёт. Знач.		√	√	√	√	√	√	√	√	√	√	√	√

* × указывает на отсутствие перехода, √ указывает на исконные признаки, → ← указывает на направление перехода

** в таблице не учитываются составные числительные

Из таблицы 4 видно, что слова в выделенной зоне, несомненно, послужили ядерной частью числительных как самостоятельной части речи, задающей в процессе формирования модель для преобразования других слов с количественным значением. В свою очередь слова в периферийной части полевой структуры числительных не приняли участие в процессе исторического перехода, что и обусловило грамматическую неоднородность имён числительных в широком смысле этого слова.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ANWARD, J. (2006). Word Classes/Parts of Speech: Overview. *Encyclopedia of Language & Linguistics* / Editor in Chief Keith Brown. 2nd ed. Vol. 13. Elsevier Science. pp. 628–633.
2. БАБАЙЦЕВА, В. В. (2000). *Явления переходности в грамматике русского языка*. Москва: Дрофа.
3. БАРСОВ, А. А. (1981). *«Российская грамматика» А. А. Барсова* / Под ред. и с пред. Б. А. Успенского. Москва: Издательство Московского университета.
4. БУСЛАЕВ, Ф. (1858). *Опыт исторической грамматики русского языка. Часть II Синтаксис*. Москва: вь университетской типографіи.
5. ВИНОГРАДОВ, В. В. (2001) *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва: Русский язык.
6. ВОСТОКОВ, А. (1831). *Русская грамматика*. Санкт-Петербург: вь Типографіи И. Глазунова.
7. ГРЕЧ, Н. (1827). *Практическая русская грамматика*. Санкт-Петербург: вь Типографіи Императорскаго Санкт-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.
8. ГРЯ (1960). *Грамматика русского языка. Т. I Фонетика и морфология* / ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрин, С. Г. Бархударов. Москва: Издательство АН СССР.
9. ГСРЛЯ (1970). *Грамматика современного русского литературного языка* / от. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1970.
10. ДАВЫДОВ, И. (1854). *Опыт общесравнительной грамматики руссаго языка*. Санкт-Петербург: Вь типографіи Императорской АН.
11. ЖОЛОБОВ, О. Ф. (2006). *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: Числительные*. Москва: Азбуковник.

12. ИВАНОВ, В. В. (1983). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Просвещение.
13. КУЗЬМИНОВА, Е. А., ИНЬ СЮЙ. (2022). *Грамматический словарь Буковница 1592 г.: издание и исследование*. Москва: Издательство Московского университета.
14. ЗИЗАНИЙ, Л. (1596). *Грамматика словенская*. Вильно.
15. ЛОМОНОСОВ, М. В. (1757). *Российская грамматика*. Санкт-Петербург: Печ. при Имп. АН.
16. ЛОМТЕВ, Т. П. (1956). *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Москва: Издательство МГУ.
17. СМОТРИЦКИЙ, М. (1619). *Грамматики Славенския правильное синтагма*. Еввье.
18. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ, Д. Н. (1902). *Синтаксисъ русскаго языка*. Санкт-Петербургъ: Изданіе Д. Е. Жуковскаго.
19. ПЕШКОВСКИЙ, А. М. (2001). *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры.
20. ПОТЕБНЯ, А. А. (1874). *Изъ записок по русской грамматикѣ. I. Введение*. Воронежъ: Въ типографіи Н. Д. Гольштейнѣ.
21. РГ (1980). *Русская грамматика* / гл. ред. Н.Ю. Шведова, Т. I. Москва: Наука.
22. У МЭЙ (2009). Из истории изучения переходности в современном русском языке. *Cuadernos de Rusística Española* № 5, 63-73.
23. ХАБУРГАЕВ, Г. А. (1990). *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*. Москва: Издательство МГУ.
24. ШАХМАТОВ, А. А. (2001). *Синтаксис русского языка*. Москва: Эдиториал УРСС.
25. ЩЕРБА, Л. В. (1957). О частях речи в русском языке. *Избранные труды по русскому языку*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
26. ЯГИЧ, И. В. (1885–1895). Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. *Исследования по русскому языку Т. I*. Санкт-Петербург, 289–1023.

BIBLIOGRAPHY

1. ANWARD, J. (2006). Word Classes/Parts of Speech: Overview. *Encyclopedia of Language & Linguistics* / Editor in Chief Keith Brown. 2nd ed. Vol. 13. Elsevier Science. pp. 628–633.
2. ВАБАЖЕВА, V. V. (2000). *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka*. Moskva: Drofa.
3. BARSOV, A. A. (1981). «Rossijskaya grammatika» A. A. Barsova / Pod red. i s pred. B. A. Uspenskogo. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
4. BUSLAEV, F. (1858). *Opyt istoricheskoy grammatiki russkago yazyka. Chast' II Sintaksis*. Moskva: v universitetskoj tipografii.
5. DAVYDOV, I. (1854). *Opyt obshchesravnitel'noj grammatiki russago yazyka*. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoj AN.
6. GRECH, N. (1827). *Prakticheskaya russkaya grammatika*. Sankt-Peterburg: v Tipografii Imperatorskago Sankt-Peterburgskago Vospitatel'nago Doma.

7. GRYA (1960). *Grammatika russkogo yazyka. T. I Fonetika i morfologiya* / red. V. V. Vinogradov, E. S. Istrin, S. G. Barhudarov. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
8. GSRLYA (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* / ot. red. N. Yu. Shvedova. Moskva: Nauka, 1970.
9. HABURGAEV, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
10. IVANOV, V. V. (1983). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva: Prosveshchenie.
11. KUZ'MINOVA, E. A., YIN XU. (2022). *Grammaticheskij slovar' Bukovnica 1592 g.: izdanie i issledovanie*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
12. LOMONOSOV, M. V. (1757). *Rossijskaya grammatika*. Sankt-Peterburg: Pech. pri Imp. AN.
13. LOMTEV, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
14. OVSYANIKO-KULIKOVSKIJ, D. N. (1902). *Sintaksis russkago yazyka*. Sankt-Peterburg: Izdanie D. E. Zhukovskago.
15. PESHKOVSKIJ, A. M. (2001). *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
16. POTEBNYA, A. A. (1874). *Iz zapisok po russkoj grammatike. I. Vvedenie*. Voronezh: V tipografii N. D. Gol'shtejn.
17. RG (1980). *Russkaya grammatika* / gl. red. N. Yu. Shvedova, T. I. Moskva: Nauka.
18. SHAHMATOV, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo yazyka*. Moskva: Editorial URSS.
19. SHCHERBA, L. V. (1957). *O chastyah rechi v russkom yazyke. Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moskva: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR.
20. SMOTRICKIJ, M. (1619). *Grammatiki Slavenskiya pravilnoe sintagma*. Ev'ye.
21. U MEJ (2009). Iz istorii izucheniya perehodnosti v sovremennom russkom yazyke. *Cuadernos de Rusística Española* № 5, 63-73.
22. VINOGRADOV, V. V. (2001) *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moskva: Russkij yazyk.
23. VOSTOKOV, A. (1831). *Russkaya grammatika*. Sanktpeterburg: v Tipografii I. Glazunova.
24. YAGICH, I. V. (1885–1895). Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoj i russkoj stariny o cerkovnoslavyanskom yazyke. *Issledovaniya po russkomu yazyku T. I*. Sankt-Peterburg, 289–1023.
25. ZHOLOBOV, O. F. (2006). *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. IV: Chislitel'nye*. Moskva: Azbukovnik.
26. ZIZANIJ, L. (1596). *Grammatika slovenskaya*. Vil'no.